

Барбара Картленд

Любовь на краешке луны

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130572
Любовь на краешке луны: Эксмо; М.; 1980
ISBN 978-5-699-53549-1

Аннотация

Леди Канеда Лэнг едет во Францию с единственной целью – отомстить герцогу де Сوماку, чей отец принес ее семье множество страданий. Путешествуя под видом легкомысленной циркачки, она клянется влюбить в себя де Сوماка, чтобы разбить ему сердце и безжалостно бросить герцога. Но не тут-то было...

Содержание

От автора	4
Глава 1	5
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Барбара Картленд

Любовь на краешке луны

От автора

Посетив Дордонь в 1980 году, я нашла ее столь же прекрасной, как знаменитые виноградники вокруг Бордо. А депрессия, о которой пойдет речь, началась в начале 1860-х годов, когда во Францию из Америки завезли растения, зараженные филлоксерой.

Прежде чем природу заболевания сумели как следует распознать, эпидемия распространилась с такой скоростью, что ее уже ничем нельзя было остановить.

В Перигоре наибольший ущерб от нее пришелся на конец 1870-х годов, и к 1892 году во всей области виноградники занимали всего лишь одну пятую площади, отведенной им двадцатью годами раньше.

Да, урожаи теперь устойчивы, хотя население не достигло еще прежней численности. Грузовики возят клубнику в Париж. Дордонь занимает первое место среди департаментов Франции по производству каштанов; табак нередко приносит фермерам основную долю дохода.

Полторы тысячи рабочих трудятся на дюжине бумагоделательных фабрик; древесина, плоды и племенное животноводство являются источником существования жителей департамента.

Но туризм побеждает все остальное, и восхищение «краешком луны» таится в боевом кличе перигорийцев, сочиненном тысячу лет назад: «Злому – камень, другу – любовь, меч – врагу! Истинный перигориец найдет и то, и другое, и третье».

Глава 1

1878 год

Граф Лэнгстонский успел взять с серебряного блюда вторую баранью котлету, когда дверь в столовую отворилась и вошла его сестра.

Глядя на нее, облаченную в платье для верховой езды, граф улыбнулся.

– Ты, я вижу, опоздала, по своему обыкновению. Что, снова конь задержал тебя?

– Как всегда! – воскликнула леди Канеда Лэнг. – Кто еще мог бы увлечь меня в столь ранний час?

Брат расхохотался.

– Ну, тебе виднее. Кстати, а что случилось вчера с Уоррингтоном?

Канеда переложила на тарелку яичницу с беконом, оставленную на боковом столе, и села напротив брата..

– По-моему, Гарри, тебе придется поговорить с ним. Уоррингтон начинает докучать мне. Он вынудил меня пойти с ним в консерваторию и удерживал там чуть ли не силой!

– Ты избавишься от уймы хлопот, если примешь его предложение, – заметил граф.

В голосе сестры прозвучала возмущенная нотка:

– Я не намерена выходить ни за лорда Уоррингтона, ни за одного из оболтусов, что делали мне предложение за последние два месяца. Почему-то они не проявляли подобную активность, пока ты не унаследовал титул и внушительное состояние.

– Экая циничная особа – и это в девятнадцать лет! – смеясь, произнес граф. – Моя дорогая Канеда, ты довольно хороша собой, и нет ничего удивительного в том, что мужчины готовы положить свое сердце к твоим ногам; к тому же ты так прелестно одета.

– Я признательна тебе за это, Гарри, – наконец смягчилась Канеда. – Каждый день, каждое мгновение я чувствую себя принцессой из сказки, особенно когда подумаю, что мой гардероб полон великолепных платьев.

– Мне кажется, ты просто напрашиваешься на комплименты; однако тебе, я думаю, известно: без пестрых перьев птичка красивой не будет.

– Конечно, – согласилась Канеда. – Но, Гарри, быть богатым – это восхитительно, не так ли? Чудесно жить здесь, ездить на Ариэле и тех великолепных лошадях, которых ты купил для меня!

– Значит, ты все утро учила его? – спросил граф.

– Я покажу тебе два новых трюка, как только ты найдешь для этого время. Ты не пове-ришь, но клянусь: конь понимает каждое мое слово. Какие бы великолепные лошади ни наполняли твою конюшню, второго такого Ариэля не сыщешь.

Граф не стал возражать.

Он знал, как сестра относится к этому коню; она получила его от отца еще жеребенком, даже ходила за ним – по причине тогдашней бедности.

Ее отец и брат поделили между собой лошадей, имевшихся у них на конюшне, и владеть собственной лошастью было для Канеды пределом мечтаний, так как она с детских лет воспылала любовью к этим животным. И вот из Ариэля – это следовало признать – ее заботами получился удивительный конь.

Брат уже собирался расширить конюшню, чтобы разместить всех лошадей, которых намеревался купить в ближайшее время.

Но девять месяцев назад Гарри Лэнг проснулся однажды утром, ошеломленный известием, что отныне он граф.

От титула и состояния графов Лэнгстонских его, наследника младшего сына, отделяло три жизни. Отец Гарри погиб на охоте два года назад, и вот теперь шторм в Ирландском море погубил его дядю, вместе с двумя сыновьями возвращавшегося с Изумрудного острова¹.

Отец Гарри не ладил со старшим братом, и, поскольку тот, как глава семьи, финансировал всех остальных ее членов, жили они в чрезвычайной бедности.

Но, как справедливо думала Канеда, тогда, в своем крохотном поместье посреди небольшой деревеньки, они жили куда счастливее богатой родни, обитавшей в огромном доме и владевшей огромным состоянием.

Оба сына графа были старше Гарри и так самозабвенно увлекались фривольными развлечениями Лондона, что, невзирая на давление родителей, отказывались жениться.

Один волочил за красавицами из общества, естественно, замужними; другой предпочитал смазливеньких актрис, которых легко можно было найти на сценах «Друри Лейн»² и «Гейети»³, особенно славившегося своими красотками.

В итоге к тридцати годам оба они оставались неженатыми... Таким-то образом Гарри в свои двадцать четыре года, будучи законным наследником, стал девятым графом Лэнгстонским.

Канеде казалось, что это судьба взмахнула над ними волшебной палочкой и, словно Золушку тыква, превратившаяся в сказочную карету, привезла ее во дворец принца.

Лэнгстон-парк, который ей довелось посетить к этому времени лишь несколько раз, вполне соответствовал такому определению.

Огромное сооружение в стиле Блейнхемского дворца⁴ и замка Говард, воздвигнутое там же архитектором Ванбругом, очаровало ее еще при подъезде к Лэнгстон-парку.

Хотя Гарри был немногословен, по жилке, бьющейся у него на виске, она поняла, что брат ощущает подобный восторг.

Тотчас по их прибытии состоялись похороны безвременно ушедших графа и его сыновей; огромный дом наполнили родственники, съехавшие со всей Англии не только для прощания с усопшими, но и затем, чтобы посмотреть на наследника придиричьим взглядом.

Последние двадцать пять лет Джеральд Лэнг уделял немного внимания родственникам, а они – соответственно – ему, и всем, вполне очевидно, хотелось понять, каким будет новый глава рода, станет ли он соблюдать сложившиеся традиции.

«Немыслимо, – думала Канеда, наблюдая за собравшимися, – чтобы внешность брата не произвела на них впечатления».

Широкоплечий, светловолосый, красивый, Гарри выглядел истинным Лэнгом.

Трудно было даже представить, что этот молодой человек – англичанин лишь наполовину, ибо его мать была француженкой.

Канеда, напротив, унаследовала черты роскошной красавицы Клементины де Бантом, с которой Джеральд Лэнг познакомился во время поездки по Франции и вспылал к ней страстью, немедленно решив сделать своей женой.

Брак с иностранкой сочли несомненной ошибкой не только Лэнги, но и Бантомы, разъяренные тем, что нищий и – с их точки зрения – ничтожный англичанин убедил Клементину бежать с ним буквально накануне свадьбы с другим человеком.

Графы де Бантом всегда держались надменно.

¹ Ирландия.

² Лондонский музыкальный театр.

³ Мюзик-холл.

⁴ Расположен близ Оксфорда, построен для герцога Мальборо в память его победы при Блейнхеме в 1704 г. во время войны за испанское наследство.

Владения в Перигоре на берегах Дордони принадлежали им не одно столетие, а богатству сопутствовало могущество.

Подобно всем французским аристократам, они полагали, что и дети их не осквернят чистоту и благородство крови, вступая в брак с представителями не менее знатных родов.

Клементина была обручена с герцогом де Сомаком, человеком много старше ее.

Склонив ее к бегству, Джеральд Лэнг оскорбил не только Бантомов, но и герцога, столь же влиятельного в долине Луары.

Месть за оскорбление приняла характер вендетты, направленной против Джеральда Лэнга и имевшей многочисленные последствия.

Во-первых, вступив в брак с Клементиной, Джеральд обнаружил, что не может более посещать Францию без того, чтобы не быть задержанным по какому-либо вздорному обвинению.

Поначалу ему казалось странным, что простого путешественника могут постоянно препровождать для допроса в ближайшую жандармерию.

Однако он скоро понял, кто стоит за происходящими совпадениями, и неотвратимое преследование не позволяло более ему с женой посещать Париж.

Но похожие мелкие оскорбления приходилось испытывать и в Лондоне: французский посол явно получил от герцога соответствующие указания.

Поэтому было весьма кстати, что Джеральд Лэнг не принадлежал к тем, кто стремился блистать в свете, и вполне довольствовался ролью сельского джентльмена, обществом своей жены и детей, а также – когда представлялась возможность – верховой ездой.

К счастью, он был великолепным наездником, а потому больше ездил на чужих лошадях, чем на собственных.

Сквайры, соседствовавшие с Лэнгами, симпатизировали им и часто предоставляли отцу и сыну своих лошадей для участия в скачках, стипльчезе, кроссе и выездной охоте.

Они никогда бы не отказали и красавице Канеде, однако последние годы она обходилась собственным конем, которого любила больше всех на свете.

Так что Гарри, сделавшись владельцем имения, немедленно прибавил к нему первоклассную конюшню; возможность выезжать на собственных лошадях была для него верхом блаженства.

А открыв двери дома Лэнгстонов на Гросвенор-сквер⁵, брат и сестра стали пользоваться неизменным успехом.

Соблюдая приличия, они шесть месяцев выдерживали траур по покойному дяде и лишь потом вихрем ворвались в свет.

Внешность и обаяние Гарри – вкупе с титулом – открывали перед ним любые двери; Канеда пользовалась успехом иного рода, но не меньшим.

Если Гарри внешностью и манерами напоминал своих предков-англичан, то невысокая Канеда была похожа на мать.

По ее темным волосам пробегали таинственные синие огоньки, а огромные глаза в обрамлении длинных темных ресниц притягивали к себе, как магнит.

На этом французские черты кончались: голубые, как у брата, глаза, сочетаясь с темными волосами, делали ее очаровательное лицо еще прекраснее. И любой мужчина, раз поглядев на нее, уже не находил спасения.

– Гарри, это немыслимо! – выпалила Канеда вскоре после их появления в Лондоне. – Только сегодня вечером мне сделали три предложения!

⁵ Большая площадь в центре Лондона, где теперь располагаются особняки дипломатических представительств.

– Меня это не удивляет, – ответил Гарри. Он-то видел, как сестра блистала в тот вечер на балу среди своих ровесниц, казавшихся рядом с ней неуклюжими, косноязычными и застенчивыми.

Ну а в обществе ослепительных, умудренных опытом женщин постарше Канеда заметно отличалась некой особенностью, делавшей ее совершенно неотразимой.

Наверное, секрет заключался в присущей ей живости – в свечении глаз, изгибе губ... Словом, Гарри еще не встречал женщины, столь наполненной жизнью.

Брат и сестра в детстве были необычайно дружны, и эта родственная близость между ними сохранилась до сих пор, а посему Гарри, как друг и покровитель, не торопил Канеду с замужеством.

Пожилые тетушки, сами назначившие себя к ней в компаньонки, уже пытались надавить на него: мол, сестра должна принять одно из перспективных предложений.

– Лорд Уоррингтон, – настаивали они, – чрезвычайно богат, а его дом в Хантингдон-шире почти ни в чем не уступает Лэнгстон-парку.

Молчание графа лишь подлило масла в огонь.

– Нам сообщили, – не унимались они, – что Канеда отвергла графа Хедингли, даже не выслушав его предложения. Как можно вести себя столь опрометчиво?

Тирада эта не произвела особого впечатления на Гарри, имевшего собственное мнение о графе Хедингли.

– Канеда может выйти замуж за кого захочет и когда захочет, – ответил он, – и чем больше времени уйдет на это, тем лучше. Я рад видеть ее у себя в доме.

– Ты не вправе ухудшать ее шансы, – дружно запротестовали тетушки, но Гарри только расхохотался.

Что тут поделаешь, если сестра не желает воспринимать всерьез претендентов на ее руку и сердце! Он-то, конечно, понимает, как они разочарованы, а лорд Уоррингтон и вовсе впал в отчаяние.

Впрочем, прежде чем он успел что-то сказать, вошел дворецкий с утренней почтой на серебряном подносе.

– Поклон от мистера Барнетта, милорд. Он решил, что это личная переписка, и не стал вскрывать конверты.

– Благодарю вас, Доусон.

Гарри взял письма, небрежно вскрыл первое и, делая это, заметил, что остальные два – от симпатичных дам, за которыми он ухаживал.

Эти дамы, как он и рассчитывал, обратили внимание на то, что он уже несколько дней не был у них. Гарри удовлетворенно моргнул.

Но то, что вскрытое уже письмо было из Франции, он понял, лишь достав листок из конверта.

К огромному удивлению графа, под впечатляющей виньеткой, которую венчала корона, значился адрес: Шато де Бантом.

Канеда встала из-за стола, чтобы положить себе шампиньонов, запеченных в сметане по-деревенски.

При этом она заметила удивление на лице брата и то необычайное внимание, с каким он читает письмо.

Канеда села за стол, и граф, закончив чтение, протянул ей письмо.

– Не знаю уж, что еще сможет так рассмешить тебя...

– От кого оно?

– И не поверишь, – ответил Гарри, – это письмо от родственников *taman*! И как они только смеют писать мне по прошествии стольких лет лишь потому, что я унаследовал титул! Воистину хочется плюнуть.

Его возмущение заставило Канеду расхохотаться.

Тем не менее она взяла письмо со стола и принялась с интересом читать.

Оно было написано по-французски, а этим языком она владела так же свободно, как и английским.

Твердая и властная рука писала:

Шато де Бантом

Мой дорогой внук!

С огромным удовольствием мы узнали, что Вы унаследовали графство Лэнгстонское и теперь являетесь главой столь достойного рода.

Полагаем, интересы обоих семейств требуют, чтобы взаимное молчание прекратилось и Вы познакомились не только с самыми старшими из Ваших родственников, мною и дедом, но и с кузенами Элен и Арманом, которые страстно желают посетить Англию.

Восемнадцатилетней Элен пора быть представленной ее величеству королеве, а Арману необходимо посетить прием у принца Уэльского. Конечно, они были бы счастливы заручиться Вашей поддержкой.

Однако прежде нам хотелось бы пригласить Вас во Францию, чтобы Вы могли встретиться с ныне живущими членами знаменитого исторического семейства Бантомов, к которому имеете честь принадлежать.

Без сомнения, мы будем в восторге, если Вы прибудете вместе с сестрой. Мы сделаем все возможное, чтобы визит был для Вас приятным во всех отношениях.

Пребываю в ожидании Вашего согласия.

Ваша бабушка, с которой Вы, к сожалению, не встречались,

Евгения де Бантом.

Канеда отложила письмо.

– Ты прав, Гарри. Невозможно поверить! – вздохнув, сказала она. – Мамап столько лет даже не существовала для нее! Как смеет теперь эта старая дама писать нам такие письма! Никогда не слыхала о чем-либо подобном.

– Не спорю, на мой взгляд, это наглая выходка! – воскликнул Гарри.

– Мамап говорила мне, – негромко сказала Канеда, – когда ты родился, она написала об этом матери, надеясь, что та обрадуется.

– Могу сказать, чем это закончилось. Ответа так и не последовало.

– Хуже того, письмо вернулось невскрытым.

– Ну, этого следовало ожидать. Тогда как же они смеют писать нам, когда наши обстоятельства переменились? Не сомневаюсь, что, если бы, уезжая с мамап, отец наш был графом, они простили бы свою дочь за то, что она обманула надежды герцога.

– Ненавижу их! – вскричала Канеда. – Иногда мамап рассказывала мне о своем детстве, и я замечала, как тоскует она по дому, как хочется ей вновь увидеть друзей и родную Дордонь.

– Знаю, – кивнул Гарри, – она любила отчие края.

– Она часто говорила нам о реке и о замках, которые придают ей совершенно сказочный вид. Все это было настолько романтично, что мне тоже хотелось туда. Но поскольку рара нельзя было ехать во Францию, я даже не мечтала об этом.

– Виноват проклятый герцог, – ответил Гарри. – Когда рара, посещавший Францию с самого детства, обнаружил, что более не может бывать в любимой стране, он был страшно обескуражен.

Канеда вздохнула:

– Родители, конечно, дорого заплатили за свое бегство, однако явно не сожалели об этом.

– Конечно же, нет, – согласился Гарри. – Я просто не видел более счастливой пары, чем рара и тапан; остается только мечтать, чтобы нам столь же повезло в браке.

– Именно так считаю и я, – проговорила Канеда, – поэтому ты наверняка поймешь (что бы там ни говорила тетя Энн), что я не могу выйти за лорда Уоррингтона, как, впрочем, и за любого другого молодого дурачка, который не может придумать ничего лучшего, чем лезть ко мне с поцелуями!

Генри расхохотался:

– Ты должна быть польщена.

– Вот еще! – вспыхнула Канеда. – Я выйду замуж только за мужчину, совершенно не похожего на тех, с кем случалось знакомиться до сих пор.

– Извести меня, когда ты найдешь такого, – сказал Гарри. – Не забывай: тетушки постоянно жалуются, что ты даешь пищу для пересудов.

Канеда передернула плечиками откровенно на французский манер.

– Ну что я могу поделать, если они все влюбляются в меня? – возразила она. – Да, вчера вечером тетя Энн была вне себя из-за того, что я слишком задержалась в консерватории. Но я просто не представляю, каким образом можно было без посторонней помощи избавиться от ухаживаний лорда Уоррингтона.

– Должен ли я напомнить ему, как следует вести себя? – спросил Гарри.

– Едва ли это поможет. Какая скука... Он повсюду увязывается за мной, как пес. А не уехать ли нам из Лондона – подальше от него?

– И что же ты предлагаешь – возвратиться в Лэнгстон-парк или съездить во Францию?

Канеда не ответила, и он воскликнул:

– Ну нет! Уж к этой земле я и ногой не прикоснусь, разве только для того, чтобы сказать своим деду и бабке, да и всем остальным Бантомам, что я о них обо всех думаю – до последнего слова! Как смели они третировать тапан, – гневно продолжал Гарри, – обращаясь с ней как с прокаженной! Да и герцог хорош... Даже считая себя оскорбленным, он не имел права устраивать рара подобную экзекуцию и в Париже, и в Лондоне. Мне бы хотелось расплатиться с ним той же монетой.

– Он наверняка уже скончался, – предположила Канеда. – Герцог был много старше тапан и решил жениться на ней после кончины первой жены, чтобы молодая женщина наплодила ему побольше детей.

– У таких, как он, лишь одно это на уме, – с презрением в голосе сказал Гарри. – Пусть только его сын или любой наследник титула посмеет явиться в Англию, я найду способ расквитаться с ним!

Канеда глядела на письмо, как бы заново читая его. И вдруг воскликнула:

– Гарри, а у меня идея!

– Какая?

– По-моему, я могу принять это предложение и отправиться во Францию.

– А ты не сошла вдруг с ума? – поинтересовался граф. – С какой это стати ты поедешь туда после всего, что вытерпела тапан?

– Я собираюсь это сделать именно потому, что они так обошлись с тапан, и преподать всем урок.

– Не понимаю. Что же ты намерена делать?

– На прошлой неделе я кое-что услышала на приеме, – задумчиво сказала Канеда. – Тогда я не обратила на это внимания, и надо бы еще уточнить, но у меня такое ощущение, что те, кто живет возле Дордони, сейчас несут большие убытки.

Брат с интересом посмотрел на нее.

– Ты предполагаешь, что графы де Бантом могли разориться?

– Не знаю... Но этот факт проливает свет на их решение помириться. Потом они, возможно, захотят, чтобы кузина Элен вышла за англичанина.

– Не верю своим ушам! Это уж слишком! – пробормотал Гарри. – Но если им нужно именно это, тогда ты, вне всякого сомнения, откажешься помогать им.

– Глупый, я не собираюсь этого делать! – заверила его Канеда. – Если я и поеду к Бантомам, то не как обычная родственница, а как леди Канеда, богатая и блестящая, и, когда они переполнятся завистью, дам понять, что не протяну и пальца, чтобы помочь им.

– Похоже, это неплохая идея, если они действительно переживают трудные времена, – согласился Гарри. – Судя по словам тамап, они люди богатые и влиятельные, а виноградники – это неисчерпаемая золотая кладовая.

– Я знаю об этом. Но что, если сбор винограда упал? Что тогда с ними будет?

– Возможно, ты и права. Однако мой тебе совет – лучше оставайся дома. Во Францию я не поехал бы даже ради того, чтобы избавиться от Уоррингтона.

– А что тут особенного! – мечтательно произнесла Канеда. – Я всегда хотела повидать родину тамап, с которой меня связывает и половина собственной крови.

Гарри не отвечал, а посему она продолжала излагать свои доводы:

– Я прочитываю все книги о Франции, которые только попадают мне; трудно выразить словами, как я хочу в Париж, но еще больше мне хочется посетить те края, о которых рассказывала мне тамап: прежде всего, конечно, Дордонь, в которой она родилась, а потом уже долину Луары, где она могла бы жить, выйдя замуж за герцога.

– Она много рассказывала о нем, – напомнил Гарри, – о его огромном Шато, о других чудесных замках – Шенонсо, Шамборе, Шомоне и, разумеется, Сомак, где она и жила бы, окруженная всем подобающим герцогине великолепиям.

– Давай съездим туда, – вдруг попросила Канеда. – Теперь мы можем насытиться тем, что всегда хотели увидеть, заодно отомстить Бантомам, ну а если удастся, и герцогу де Сомаку.

– И оставить все это? – возмутился Гарри. – Ты бредишь! Неужели ты считаешь, что я сейчас способен оставить Лэнгстон-парк и лондонское веселье?

Канеда улыбнулась.

– Не сомневаюсь, что она просто очаровательна.

Гарри ответил ухмылкой.

– Именно так. И заверяю тебя, если я уеду, на мое место найдется достаточно претендентов.

– Ну тогда я могла бы... могла бы поехать во Францию одна, – задумчиво промолвила Канеда.

– Ты не сделаешь ничего подобного! – вспыхнул брат. – Тебе не хуже меня известно, что ты не можешь ехать без подобающего сопровождения.

– Я этого не предлагаю, – успокоила его Канеда. – Раз ты не поедешь со мной, я знаю, кто согласится сопровождать меня, если я попрошу.

– Кто же это?

– Мадам де Гокур.

После недолгого молчания Гарри сказал:

– Не сомневаюсь, что, если мы оплатим все расходы, она поедет куда угодно. Но, откровенно говоря, Канеда, я считаю твою идею безумной! Давай-ка лучше порвем письмо, и пусть себе гадают, получили мы его или нет; во всяком случае, какое-то время подержим их на крючке. А если эти проклятые кузены явятся сюда, – добавил он, – клянусь, я сделаю все возможное, чтобы их визит закончился фиаско.

– Едва ли ты добьешься успеха, – заметила Канеда. – Я предлагаю более тонкий и умный способ, адекватный тому, как поступили Бантомы с татап после ее бегства. У нее ведь были даже кое-какие собственные средства, однако ее отец с помощью адвокатов устроил так, чтобы она могла пользоваться деньгами лишь на территории Франции. Решение незаконное, но у рара не было денег, чтобы оспорить его в суде.

– Итак, они практически обокрали татап, и их не мучили угрызения совести все эти годы. Я согласен с тобой: Бантомы достойны презрения. Однако зачем же насиловать себя, встречаясь с ними?

– Я хочу отомстить им не меньше, чем ты, если не больше, – убежденно сказала Канеда, – и неплохо бы заодно добраться до герцога. Он мертв, но его состояние наверняка унаследовал сын – если у него был таковой. Быть может, мне как-нибудь удастся унижить его.

– Лучше бы ты наслаждалась жизнью в Англии.

– Но мое отсутствие не будет продолжительным, – заверила брата Канеда. – Могу ли я воспользоваться твоей яхтой?

Гарри воздел к небу руки, хотя этот жест не вполне отвечал английским традициям.

– Я еще не видел ее, но она полностью в твоём распоряжении.

– Спасибо, дорогой. Надеюсь, судно окажется достаточно вместительным. Я возьму с собой лошадей для коляски, а также верховых коней и, конечно же, Ариэля.

– Что ж, ради бога! – воскликнул Гарри. – Но я снова напоминаю тебе, что считаю эту идею безумной. Кроме того, без подобающей компаньонки ты не сделаешь и шагу за пределы этого дома. То есть если мадам де Гокур скажет «нет», будет по ее слову.

– Ну, мадам де Гокур не может не согласиться, – возразила Канеда. – Я свяжусь с ней сегодня же утром. Теперь, когда дни ее блеска миновали и умер муж, прежде бывший французским посланником, она обитает в крохотном и неудобном доме в нефешенебельной части Лондона.

– Мадам знала маму и любила ее, – заметил Гарри. – Поэтому я могу доверить ей тебя.

Канеда промолчала, но в глубине ее синих глаз загорелись шаловливые огоньки, которых брат заметить не мог.

Дом мадам де Гокур, крошечный и несколько запущенный, прятался на узенькой улочке в стороне от модной площади.

Француженка была много моложе своего мужа-посланника. Теперь, когда ей перевалило за пятьдесят, она могла лишь скорбеть о судьбе, низвергнувшей ее с блистательных высот светской жизни на низменный пятак, где была обречена на прозябание.

Дочь ее, однако, вышла за англичанина, а младший сын заканчивал образование в Оксфорде, поэтому мадам предпочла находиться возле них в Англии, а не возвратиться на родину.

Клементину де Бантом она знала с самого детства и всегда испытывала к ней нескрываемое сочувствие.

– Какая несправедливость! – сказала она с негодованием. – Неужели твой муж не принадлежит к известному роду? И хотя у него нет денег, ты, *ma chérie*⁶, отдав ему сердце, обратно его уже не заберешь.

– Ты права, – улыбнулась Клементина Лэнг. – Я люблю Джеральда и считаю себя счастливейшей из женщин. Но иногда, Ивонна, иногда мне хочется слышать французскую речь, есть французские блюда, видеть перед собой реку, синюю, как небо над головой; лицезреть эти виноградники и ущелья, в которых, как мне казалось в детстве, обитали доисторические животные!

⁶ Моя дорогая.

Мадам де Гокур усмехнулась:

– Я понимаю тебя. Однако у тебя есть муж и двое очаровательных детей.

– Только не думай, что я хоть раз пожалела о том, что убежала с Джеральдом, – заметила Клементина. – Это был самый счастливый и удачный день в моей жизни, но я не могу простить герцога де Сомака за его отношение к Джеральду.

– Да, – сказала мадам де Гокур, – герцог поступил зло и жестоко, однако он был очень странным человеком.

Мадам вдруг показалось, что прошлое вернулось и перед ней в крошечной гостиной сидит не Канеда со своими вопросами, а Клементина.

– Расскажите мне, пожалуйста, о герцоге де Сомаке, мадам, – попросила Канеда.

– Mon Dieu!⁷ Что это вы вспомнили о нем, моя милая! А я думала, будто вы явились поведать мне о своих успехах в Beau Monde. Все только и говорят о вас, о вашей красоте, интеллекте и очаровании. Ну а по Гарри дамы просто сходят с ума.

– Я это знаю, – ответила Канеда, – нынешняя жизнь кажется нам чрезвычайно увлекательной после деревенской тишины. Но, прошу вас, мадам, ответьте на мой вопрос.

– И что вы хотите от меня услышать?

– Расскажите мне о старике... который так жестоко обошелся с рара.

– Ох, он скончался, и, должна сказать, оплакивали его немногие. Надеюсь, вы знаете, что он хотел жениться на вашей матери, потому что жена, от которой у него был единственный сын, много-много лет болела; в свои без малого шестьдесят он решил завести новую семью – на случай, если что-нибудь случится с его наследником.

– А что с ним произошло?

– Ничего. Сейчас он и является герцогом де Сомаком, и, если я не ошибаюсь, ему тридцать два или тридцать три года.

– Надеюсь, он пребывает в добром здравии? – с горечью произнесла Канеда.

– Он-то? Конечно!

– А почему вы так говорите?

– Потому что с ним приключилась довольно грустная история. Жена его сошла с ума вскоре после свадьбы. Он был тогда очень молод, точнее говоря, только что достиг совершеннолетия.

– Сошла с ума, – повторила Канеда, и в голосе ее послышалась нотка удовлетворения.

– Ну конечно, все это скрыли, что нередко случается во Франции, – с укоризной сказала мадам де Гокур, – но старому герцогу было больно сознавать, что невестка не способна родить... даже единственного ребенка.

– Эта боль восхищает меня! – заявила Канеда.

– На мой взгляд, и нынешний герцог – человек очень странный. – Мадам де Гокур, казалось, была поглощена какими-то своими мыслями.

– В каком смысле?

– Ну, естественно, расстроенный состоянием жены, он перестал бывать в свете и заперся в своем замке на берегу Луары. Он содержит школу верховой езды – ради собственного удовольствия, кроме того, там готовят лошадей для кавалерии.

– Школу верховой езды! – воскликнула Канеда.

– Насколько я понимаю, он даже прославился в своих краях, – продолжала мадам де Гокур. – Генерал Буржейль, когда я последний раз видела его, упомянул о ней и все нахваливал лошадей, полученных его офицерами из конюшни де Сомака.

Канеда притихла на мгновение, а потом достала из сумочки письмо, которое Гарри получил из Шато де Бантом, и передала его мадам де Гокур.

⁷ Боже мой!

– Прочтите это.

Мадам приняла листок и, вооружившись элегантнейшим лорнетом, внимательно прочитала письмо.

– Это необыкновенно! – вскричала она. – Это просто необыкновенно! Ваш брат, разумеется, совершенно не был готов к чему-нибудь подобному.

– Вот именно! – подтвердила Канеда. – Так же, как и я.

И не в силах сдержаться, с раздражением добавила:

– Как смеют они обращаться к нам лишь потому, что Гарри унаследовал титул и стал важной персоной! Почему нас не приглашали, пока татап была жива? Вы знаете, что она была не из обидчивых. Она почла бы за счастье простить всех.

Голос Канеды чуть дрогнул, в нем слышалась обида дочери за свою мать, навсегда отлученную от родных и близких.

– Прошлого не поправить, та *cherie*, – негромко сказала мадам де Гокур. – Но если вы с братом сумеете погасить вражду, то наверняка сумеете порадовать этих людей перед смертью.

– Радовать их? – возмутилась Канеда. – Я ненавижу этих людей, и Гарри тоже их ненавидит! Но я придумала, как заставить их раскаяться и устыдиться за содеянное.

Мадам де Гокур опустила лорнет и с изумлением посмотрела на Канеду.

– О чем вы, моя милая? – спросила она. – Что вы предлагаете?

– Прежде всего, – сказала Канеда, – я хочу, чтобы вы ответили мне, почему они пишут нам именно в данный момент, если при этом не учитывать, что Гарри приобрел некоторое влияние в Англии.

Уловив явное смятение собеседницы, Канеда настойчиво произнесла:

– Я хочу слышать правду, мадам. Я чувствую, что за этим письмом кроется кое-что, и хочу все понять.

– Конечно, я не могу быть полностью уверена, – спустя мгновение неторопливо сказала мадам, – но поговаривают, будто в Дордони дела идут плохо.

– Какие дела?

– Во-первых, случился неурожай, и друзья мои утверждают, что местная пшеница не способна конкурировать с дешевой, привезенной из Америки и сбившей цену на зерно во всей Франции.

Она смолкла, и Канеда, всматривавшаяся в ее лицо, спросила:

– А еще?

Ей вдруг показалось, что мадам де Гокур просто не желает раскрывать всю правду. Однако ответ не заставил себя долго ждать.

– Говорят – хотя пока это всего лишь слух, – что в их краях свирепствует филлоксера⁸.

– Филлоксера! – воскликнула Канеда.

Она б не была настоящей дочерью своей матери, если бы не знала кое-что о том, как выращивают виноград; в иные дни Клементина де Бантом успевала соприкоснуться с важным для всей Франции производством.

Джеральд Лэнг высоко ценил французские вина и научил своих детей разбираться в них, а мать объяснила им, что самые знаменитые происходят из Дордони.

Филлоксера, как было известно Канеде, представляла собой величайшее несчастье, способное обрушиться на виноградник; мошка эта вызывала не меньший страх, чем чума.

Болезнь завезли из Америки с зараженными саженцами в начале 1860-х годов.

Клементина Лэнг прочла о случившемся в газетах, и членам ее семьи нетрудно было понять, насколько трагично она воспринимает ситуацию.

⁸ Разновидность тли.

Суть происходящего объясняли ей французские газеты, получаемые от друзей-англичан, посещавших Францию, и от французов, знавших, как она ценит подобные знаки внимания.

Пораженные филлоксерой лозы сбрасывали листву и погибали; ну а совсем недавно было сделано открытие, что тля поражает и корни.

Самым ужасным являлось то, что, когда погибшие растения выкапывали, насекомые успевали перебраться на другие, пока еще без всяких признаков заражения.

– Это очень, очень опасное заболевание винограда, – сказала ей мать, обобщив прочитанную информацию.

– Что нам с того? – с горечью произнес отец. – Ведь мы лишены возможности увидеть эти лозы. Впрочем, по милости Господней в Англии еще хватает доброго бургундского и кларета.

Клементина тогда ничего не сказала, но Канеда, отлично понимавшая мать, заметила, что та – при всей нелепости подобной патетики после долгих лет изгнания – до сих пор волнуется за достояние своей семьи, за виноградники, на которых оно зиждилось.

Втайне Канеда подумывала, что, познав бедность, как ее мать и отец, родственники кое-что поймут; и вот сейчас слова мадам де Гокур подтверждали, что именно так и случилось.

– Вы хотите сказать, – возвысив голос, сказала Канеда, – что надменный граф де Бантом, мой дед, нуждается в нашей с Гарри помощи, чтобы вывести в свет своих внуков?

– Я вполне понимаю вашу обиду, Канеда, – негромко произнесла мадам де Гокур, – и помню, как страдала ваша мать, оттого что была разлучена со своими родственниками. У нас во Франции принято держаться своих, и семья означает многое для каждого из нас.

Чутьочку помедлив, она продолжала:

– Хотя я и не знала более счастливой в браке женщины, нежели ваша мать, все-таки иногда мне казалось, что часть ее души тоскует по родителям, братьям и сестрам и, конечно, по их детям; они в какой-то степени и ваши родственники.

Она вновь умолкла.

– Де Бантомы – род многочисленный, и, я думаю, они понравятся вам, а вы им.

– Они увидят во мне лишь ангела мести, – пообещала Канеда, – и для осуществления моих планов мне понадобится ваша помощь, миледи.

– Моя помощь? – удивилась мадам де Гокур.

– Все очень просто. Я хочу, чтобы вы посетили Францию вместе со мной.

Внезапный огонек, вспыхнувший в глазах француженки, означал, что отказа не будет.

– Мадам, – добавила Канеда, – я намерена преподать урок не только де Бантомам, но – если удастся – герцогу де Сомаку... да такой, чтобы навсегда запомнил.

Глава 2

Под раздутыми ветром парусами «Чайка» неторопливо направлялась в порт Сен-Казера.

Канеда была на палубе с самого рассвета, когда они проходили остров Бель-Иль.

Она ощущала такое волнение, что буквально не могла уснуть после отплытия из Фолк-стона, где покойный граф держал у причала свою яхту, чтобы в любое время можно было переправиться через Канал⁹.

Она не сомневалась, что Гарри скоро и сам воспользуется новой игрушкой; пока же он окунулся в многочисленные развлечения, которые мог себе позволить благодаря столь внезапно приобретенному состоянию. Так что первой довелось увидеть и опробовать «Чайку» его сестре.

Покойный дядя заказал яхту всего лишь за три года до смерти, поэтому судно было построено по последнему слову техники. К восторгу Канеды, в трюмах хватило места для нужного количества лошадей и дорожной кареты.

Она слегка опасалась, что бурные волны могут испугать лошадей, в особенности Ариэля, но распоряжавшийся всем Бен успокаивал ее.

– А енто оставьте мне, мисс Канеда... то исть м'леди! Кони будут в порядке, я пригляжу.

Канеда знала, что ничего плохого не случится: Бен был истинным волшебником не только в обучении лошадей, но и в уходе за ними.

Ей сравнялось четырнадцать, когда, влетев в кабинет отца, она объявила, что в расположенный неподалеку – в паре миль от их имения – ярмарочный городок вот-вот нагрянет цирк.

– Рара, мы должны побывать там! Обязательно своди меня в цирк! – Глаза у Канеды блестели.

– Терпеть не могу, когда животных держат в неволе, – пытался отговорить ее Джеральд Лэнг.

– Дикие звери меня не интересуют, – ответила Канеда. – Но на афише написано, что у них есть лошадь, понимающая буквально каждое слово! Это же самое умное животное в мире.

Лицо Джеральда Лэнга выражало известный скептицизм, однако Канеда настаивала, и он обещал сводить ее на представление.

Он абсолютно не сомневался, что в напоминающем винегрет представлении будут несколько убогих лошадей и пара клоунов – не слишком забавных; шталмейстер, он же владелец цирка, привыкший топить в вине финансовые трудности; ну а если им очень повезет, к этой компании добавится парочка акробатов.

Так как Гарри находился в школе, то для Канеды, лишенной каких бы то ни было развлечений в сельской глуши, бродячая труппа значила ничуть не меньше, чем лондонский цирк Эшли.

Клементина Лэнг сказала, что у нее слишком много домашних дел, и отец с дочерью отправились вдвоем.

Ехали они в старомодном кабриолете, которым Джеральд Лэнг управлял умело, даже с шиком, и Канеда уж в который раз подумала, что отцу более импонировал бы современный фаэтон с парой или даже четверкой великолепных лошадей.

Они же могли себе позволить только кабриолет, но Канеда так радовалась обществу отца, что на прочее не обращала внимания.

⁹ Английский канал (у нас чаще называется проливом Ла-Манш).

Они добрались до городка, и тотчас их взорам предстала рыночная площадь, где фермерские жены предлагали свой обычный товар, а городской люд раздумывал, что предпочесть: старуху наседку, годную только для варки, или жирного и более дорогого цыпленка, которого можно зажарить.

Здесь в изобилии было все, что душе угодно: деревенская репа, свекла, капуста, кружки золотого масла, соты с медом и – в любое время года – зайцы или кролики, угодившие в силки и ловушки.

Но рыночная площадь в самом центре города не интересовала Канеду.

Затаив дыхание, она ждала, когда отец повернет к полю у реки, на котором расположился цирк.

Усыпанную опилками арену покрывал большой шатер, пропускавший воду во время дождя; арену окружали ряды шатких скамей.

Пропутешествовав без всякой починки много месяцев, они вполне могли в самый неожиданный момент рассыпаться под зрителями.

Заиграл оркестр, шталмейстер в красном сюртуке и цилиндре щелкал длинным кнутом, с пафосом представляя актеров почтенной публике, состоявшей в основном из заранее восхищенных детей, нескольких работников с ферм и хихикающих девиц.

Первый номер, на взгляд Джеральда Лэнга, был вполне ординарным: четыре серых коня с перьями на уздечках возили по кругу наездниц.

И лошади, и наездницы казались ему одинаково старыми, а чтобы задрать под балетной пачкой ногу повыше, крепко держась за луку седла, не требовалось особого мастерства.

Однако на личике Канеды была написана такая радость, что Джеральд Лэнг помалкивал и больше глядел на дочь, чем на представление.

Клоуны смешили ее, а от трюков акробатов захватывало дух.

Наконец шталмейстер провозгласил:

– А теперь, леди и джентльмены, вы увидите самую необыкновенную, истинно удивительную, умнейшую лошадь на свете. Ее зовут Юноной, и она понимает каждое сказанное ей слово. Еще она умеет плясать – такого я не припомню за всю мою долгую жизнь.

Под аплодисменты толпы Юнона появилась на арене.

Вороная кобыла с белой звездочкой на лбу, с точки зрения Джеральда Лэнга, прежде действительно была хороша, однако теперь явно проступали признаки старости.

У невысокого жокея, выступавшего с ней, было уродливое и дерзкое лицо, но оно преобразалось, когда на нем появлялась обезоруживающая улыбка и искрились весельем глаза. Лошадь под его руками казалась тонким музыкальным инструментом.

Сперва Юнона кружила в вальсе под звуки оркестра, потом танцевала польку, только что вошедшую в моду. Еще она ходила на задних ногах и отвечала на вопросы, утвердительно или отрицательно покачивая головой.

Наконец вокруг арены расставили барьеры, и Юнона перепархивала через них с таким изяществом, что Канеда замирала от восторга.

Шумные аплодисменты, раздававшиеся под сенью шатра, заставили наездника повторить номер, и он послал лошадь вперед... Она буквально парила над барьерами.

Но вдруг – на самом последнем прыжке – лошадь оторвалась от земли, как-то дернулась на лету и, прежде чем кто-либо смог понять, что происходит, мешком рухнула на землю.

Послышались женские крики, охнули даже мужчины, а Канеда вцепилась в руку отца.

– Рара, что случилось?

– По-видимому, сердце отказало, – ответил Джеральд Лэнг.

– О, она не должна умереть! – вскричала Канеда. – Прошу тебя, рара, сделай что-нибудь! Такая прекрасная лошадь не может умереть подобным образом.

Джеральд Лэнг всей душой разделял чувства дочери и вместе с ней немедленно направился в заднюю часть шатра, куда оттащили кобылу под шутки клоунов, пытавшихся сгладить впечатление от трагедии.

Лэнг и Канеда застали невысокого жокея в обществе одного или двух конюхов; увы, с первого взгляда было ясно, что вороной уже ничем не помочь.

Юнона погибла, как и предположил Джеральд Лэнг, оттого, что отказало сердце.

Канеда нагнулась над лошадьё и увидела по другую сторону от нее наездника в алом с золотом кафтане.

Тот плакал не стыдясь; слезы текли по уродливому, изборозженному морщинами лицу; в каждом жесте его проступало отчаяние.

– Мне очень жаль, – негромко проговорила Канеда.

– Какая же это была коняга!

– Давно она у вас?

– Десять лет, мисс, – ответил циркач. – Я начал возиться с ей ищю у первого хозяина.

А потом он умер и отдал кобылу мне. Так што моя была она, моя собственная.

– Я понимаю, что вы сейчас испытываете. Я искренне сочувствую вам.

– Могу кое-што показать вам, мисс, если пойдете со мной, – сказал циркач.

– Да, конечно.

Мужчина поднялся на ноги, Канеда тоже, и только сейчас она заметила, что отец стоит возле нее.

– Рара, он хочет кое-что показать нам, – сказала она, беря его за руку.

Джеральд Лэнг молча кивнул. Они последовали за нарядным жокеем к ветхой палатке, в которой находились все работавшие в цирке лошади. Серых уже привязали к жердям, но султанов с уздечек не сняли – лошади должны были выступить в заключительном параде. Однако один угол шатра как бы отгородили от прочих, и Канеда заметила в нем какое-то движение, лишь когда жокей зашел внутрь.

Она сразу поняла, что именно ей хотели показать: перед ней оказался шести– или семи-недельный жеребенок, тем не менее обнаруживающий признаки материнской породы.

Конек ткнулся в нее черным носом, Канеда погладила его по шее и услышала голос отца:

– Что же ты теперь собираешься делать?

– Не знаю, сэр, не знаю, во в чем дело-то, – отвечал коротышка. – Юнона, она кормила меня, так сказать. Да, теперь пройдет еще год-другой, прежде чем я сумею что-то сделать из Ариэля, да и тогда он будет ищю слишком мал, чтобы заинтересовать какой-нибудь цирк.

В голосе его слышались одновременно беспомощность и безнадежность, и Канеда тот-час поняла, чего хочет.

Она распрямилась, подошла поближе к отцу и, положив ладонь на его руку, посмотрела вверх полными мольбы глазами.

– Ну пожалуйста... рара.

Она, конечно же, знала, что они не в состоянии позволить себе подобное приобретение, однако интуитивно чувствовала, что оно доставит удовольствие не только ей, но и отцу, и потому повторила:

– Ну пожалуйста...

Джеральд Лэнг помнил, что старый конюх, ходивший за его лошадьё после женитьбы, совсем одряхлел и уже не справлялся с делами.

Более всего его смущала сумма, которую мог запросить новый работник, хотя они с женой и подумывали о том, чтобы назначить старику пенсию и взять на его место кого-нибудь помоложе.

Тем не менее он не осмелился отказать дочери, понимая, чем мог бы стать для нее жеребенок: он помог бы не так остро ощущать однообразие сельской жизни и длительные отлучки Гарри.

– Ну, какое-то время, – сказал он, обращаясь к человеку, по-прежнему не замечавшему слез на своем лице, – какое-то время вы с Ариэлем можете находиться у меня на конюшне. Пока вам не удастся пережить потерю Юоны и обдумать планы на будущее.

– Взаправду, сэр?

– Действительно. Мы будем ждать вас – сегодня к вечеру или завтра с утра.

На лице коротышки проступили неподдельное облегчение и благодарность.

– Меня зовут Бен, сэр, и вашей доброты я не забуду.

Лишь когда они покинули цирк, тщательно объяснив Бену, как добраться до поместья, Канеда, волнуясь, спросила:

– Как ты думаешь, он придет? А если он захочет остаться в цирке?

– Мне кажется, этого не случится.

– Мне тоже. Я сама буду приглядывать за Ариэлем, чтобы у Бена было больше времени для других лошадей.

– Конечно, – согласился отец. – Это было условием нашей сделки.

– Спасибо тебе, спасибо. – Канеда прижалась щекой к его руке. – Смогу ли я когда-нибудь отблагодарить тебя за доброту?

– Я вот пытаюсь угадать, как отнесется к этому твоя мать, – не без озабоченности в голосе сказал Джеральд Лэнг.

Клементина поняла их.

Она не могла видеть людских страданий и, когда Канеда описала ей слезы, которые видела на лице Бена, тут же решила, что муж и дочь поступили правильно, предложив свою помощь.

Бен привел Ариэля; без цирковой одежды он казался абсолютно незнакомым и ничтожным человеком.

Но при столь невысоком росте в нем вскоре обнаружилась недюжинная сила. Он как будто вовсе не уставал, непрерывно работая.

Джеральд Лэнг никогда прежде не видел своих лошадей в таком идеальном состоянии; лучшего ухода не могло быть и в самых великолепных конюшнях Англии.

Более того, Бен с самого начала устроился так основательно, словно прожил у Лэнгов целую жизнь.

Ну а что касается Ариэля, то Канеда уже исчерпала весь словарный запас обращенных к нему ласковых слов.

За первый год жизни он превратился из маленького жеребенка в красавца с точеной головой и превосходным телом, как будто из полированного черного дерева.

Конь рос и рос, и, когда достиг двухлетнего возраста, они с Канедой стали местной достопримечательностью: крохотная очаровательная наездница управляла огромным вороным жеребцом, казавшимся слишком норовистым для ее ручек.

Но удивительнее всего было то, что с самой первой своей встречи Бен и Канеда начали учить Ариэля тем трюкам, которые сделали из Юоны необыкновенную лошадь, и не только трюкам.

Ариэль был покорен Канеде и Бену, и оба они соревновались, выдумывая для него новые фокусы, но добивались своего не побоями или страхом, а любовью.

Иногда Канеде казалось, что и Ариэль помогает им собственной фантазией и понимает ее мысли еще до того, как она успевает произнести их вслух.

– Он понимает, он все понимает! – говорила она Бену.

– Животные, мисс Канеда, – отвечал тот, почесывая голову, – они будут поумнее многих людей, особенно такие кони, как Ариэль и Юнона.

Коротышка все еще любил Юнону, и Канеда подозревала, что конюх по ночам продолжает оплакивать свою лошадь.

Поэтому она чувствовала себя виноватой, замечая, что Ариэль предпочитает ее Бену; получалось, что она как бы отбирает у жокея еще одного коня.

Но Бен успокоил ее. Однажды Канеда спросила:

– Бен, тебе хорошо здесь? Правда, ты никогда не покинешь нас?

В голосе ее звучало легкое беспокойство: а вдруг Бен предпочтет вернуться к бродячей жизни? Тогда разлука с Ариэлем разорвет ее сердце.

– Мне хорошо, мисс Канеда; ваши отец и мать и вы тоже обращаетесь со мной как с родным. У нас с Ариэлем теперь есть дом, а большего не нужно ни одному человеку.

Когда Канеда поведала матери о своем разговоре с Беном, та сказала:

– Бен очень милый и хороший человек. Нельзя понимать лошадей, как он их понимает, и быть негодяем. Животные, особенно кони, лучше людей чувствуют, каков человек душой.

Именно Бен решал, каких лошадей, конюхов и верховых брать во Францию.

Гарри, воспринимавший Бена как своего родственника, отвел его в сторону.

– Ты уж приглядывай за ее светлостью, – попросил он, – чтобы с ней не случилось ничего плохого.

– Будет исполнено, м'лорд, – пообещал Бен.

– Я не одобряю этой сумасшедшей поездки, – продолжал Гарри, – но она так решила, и мне пришлось согласиться. Но если что-нибудь сложится не так, как надо, немедленно возвращайтесь домой. Ты понял меня, Бен?

– Конечно, м'лорд. И с ее светлостью ничего не случится, пока я рядом.

– Верю тебе, Бен. – Гарри опустил руку на плечо коротышки.

Яхта под парусами медленно, но уверенно направлялась в гавань.

– Вот и все, Бен, – сказала Канеда радостно, когда Бен подошел к ней.

– Да, м'леди, готово. А что будет дальше?

– Мы выгрузим лошадей и экипаж и, как только все будет готово, отправимся в Нант, где и проведем сегодняшнюю ночь.

– Очень хорошо, м'леди.

– Нас ждет дорога – если не сегодня, так завтра. – Она улыбнулась.

– Ариэль соскучился по доброму галопу, м'леди, то-то ноги разомнет, не то онемели.

– А с ним все в порядке? – встревожилась Канеда.

– Уж кто в порядке, так это он. Незачем беспокоиться, м'леди. Лошади прекрасно переносят трудности, если их не пугать.

Канеда знала, что ни одна из ее лошадей не испугалась морских волн, потому что Бен был рядом и успокаивал их.

Она не сомневалась, что он даже ночевал с ними внизу, и снова порадовалась, что ей удивительно повезло с Беном. Словно бы уловив ее мысли, он сказал:

– Не стоит беспокоиться, м'леди, все отлично. Вам остается только наслаждаться жизнью.

Она была более чем готова последовать совету конюха.

Франция, которую она видела из экипажа, сидя рядом с мадам де Гокур, полностью соответствовала ее ожиданиям.

Широкие открытые просторы, зеленые берега Луары, а впереди башни и шпили Нанта.

Остановились они в старинной гостинице, где после ужина, оказавшегося гастрономическим шедевром, их уложили спать на перины из мягчайшего гусиного пуха.

Знатные гости и людная свита произвели исключительное впечатление на хозяина и его необъятную супругу.

Когда мадам де Гокур и Канеда отобедали в уютном кабинете и хозяин гостиницы с поклоном удалился, мадам наконец спросила:

– Ну, *ma chérie*, теперь ты во Франции, но ты еще не объяснила мне, почему мы высадились в Сен-Назере, а не в Бордо. Мне кажется, нам следовало высадиться в устье Дордони, а не Луары.

Канеда слегка усмехнулась, и мадам де Гокур тотчас поняла, что девушка что-то замыслила.

– Видишь ли, Канеда, я получила от Гарри наставления строго приглядывать за тобой. Ты не хуже меня знаешь, что нам велено недолго погостить у твоих деда и бабки и побыстрее возвращаться домой. Поэтому я снова спрашиваю тебя: почему мы здесь?

– У меня есть некий план, мадам; однако мне не хотелось бы говорить о нем – на случай, если у меня ничего не получится. А пока я умоляю вас, не расспрашивайте меня. Позвольте мне самой сыграть свою партию.

Мадам де Гокур рассмеялась:

– Я прекрасно понимаю, Канеда, ты что-то задумала. И поскольку мне остается лишь благодарить тебя за то, что ты привезла меня в любимую страну, и за то, что ты побаловала меня столь элегантными платьями, которые наверняка ослепят моих родственников и друзей, я не могу приказывать тебе. Я только умоляю тебя не наделать глупостей.

Канеда чуть склонила голову набок.

– Все зависит от того, что называть глупостью, мадам, – ответила она. – Должна ли я говорить, что намерена свершить правосудие собственными руками, не полагаясь на волю случая?

– Ах, Канеда, Канеда! – воскликнула мадам де Гокур. – Ты огорчаешь меня. Но я устала, мне хочется выпить успокоительной тисаны и отправиться в постель в надежде, что завтра не буду испытывать этой ужасной озабоченности и тревоги.

– Безусловно, мадам, – уверила ее Канеда. – Кажется, вы говорили, что у вас есть друзья близ Анже?

– Да-да, – ответила мадам де Гокур, – старинные друзья, и я с великой радостью снова встретила бы с ними. Эти люди не богаты и не молоды, и ты, возможно, сочтешь их скучными, однако я не могу побывать в этой части Франции, не навестив их.

– Именно это я и предвидела, – оживилась Канеда, – обещаю вам, вы проведете достаточно времени со своими друзьями, а я – с моими.

На следующий день, когда они ехали по живописному берегу Луары к Анже, мадам де Гокур сказала:

– Ты не заметила, Канеда, что не назвала мне своих друзей, которых собираешься посетить?

– Едва ли вы знакомы с ними, – ответила девушка, – и я хочу попросить вас, мадам, об одной любезности.

– Ну конечно, – кивнула мадам де Гокур.

– Не рассказывайте своим друзьям обо мне. В настоящее время я хочу только одного: чтобы никто здесь не знал обо мне.

Мадам де Гокур посмотрела на нее с нескрываемым удивлением.

– Значит, по-твоему, я не должна рассказывать им о том, что сопровождаю леди Канеду Лэнг?

– Умоляю вас, не называйте моего имени, – продолжала настаивать Канеда. – Если они поинтересуются, откуда взялась коляска с лошадьми, можете ответить, что их вам предоставил состоятельный английский дворянин. В конце концов, это никого не удивит, и все решат, что ваш друг проявил подобающее благородство.

Мадам де Гокур рассмеялась:

– Ты пугаешь меня! Придумала какой-то мартышкин фокус, который наверняка не понравится брату, а опала грозит не только тебе.

– Ну доверьтесь мне! – взмолилась Канеда.

Мадам де Гокур принялась возражать, но Канеда не стала ввязываться в дискуссию или давать какие-либо объяснения в отношении своих планов на ближайшее будущее.

Итак, миновав Анже, они отыскиали восхитительную гостиницу в нескольких милях от города на северном берегу Луары.

Важные гости произвели впечатление и здесь. И хотя Канеда в душе полагала, будто накормили ее не так хорошо, как в первой гостинице, все так рьяно старались угодить ей, что придраться было не к чему.

Когда они устроились у себя в спальнях и отужинали в отдельной гостиной, Канеда обратилась к хозяину гостиницы:

– Прежде чем лечь в постель, я хотела бы переговорить со своим старшим грумом. Не позаботитесь ли о том, чтобы его прислали ко мне?

– Конечно, мадам, – ответил хозяин. Мадам де Гокур поднялась с кресла, в котором чувствовала себя довольно уютно.

– Если вы намерены разговаривать о лошадях, я отправляюсь в постель. Сплетни о людях всегда доставляют мне удовольствие, но к долгим и дотошным обсуждениям лошадей я никак не могу привыкнуть.

Канеда рассмеялась.

– Ложитесь спать, мадам, и пусть сон освежит вас. Другим не должно показаться, что Британия состарила вас за время, минувшее после вашей последней встречи, – это определенно было бы клеветой на нашу бедную страну.

– Мы не виделись по меньшей мере шесть лет, – взгрустнула мадам. – Они, вне всяких сомнений, заметят новые морщинки и некоторую полноту, появившиеся с тех пор.

– Ерунда! – решительно возразила Канеда. – Вы кажетесь очаровательной и знаете это! Кроме того, мадам, татап говорила мне, что, когда ваш муж был дуайеном¹⁰ дипломатического корпуса, вы были там первой красавицей!

– Дитя мое, ты льстишь мне! – вполне удовлетворенная, согласилась мадам де Гокур.

Одарив Канеду признательным поцелуем, она отправилась наверх, оставив девушку одну в гостиной.

Бен явился, не заставив Канеду ждать.

Он казался истинным щеголем в отлично пошитой ливрее Лэнгстонов с украшенными гербом серебряными пуговицами и полосатом сине-желтом жилете.

Верховым полагался напудренный парик, однако Бен прикрывал начинающие седеть темные волосы высокой шляпой с кокардой, которую пристраивал на голове с залихватским креном.

Он вошел со шляпой в руках, тотчас опустил ее на стул возле двери и замер, ожидая приказаний Канеды.

– Бен, с лошадьми все в порядке?

– Конюшня удовлетворительная, м’леди. Я велел ребятам как следует вычистить ее и застлать свежей соломой. Кони заночуют не хуже, чем мы сами.

¹⁰ Старшиной.

– Раз уж мы здесь, Бен, я хочу, чтобы ты кое-что сделал для меня.

Глаза коротышки стали внимательными; он уже понял, что Канеда собирается сказать нечто важное.

– Примерно в двух милях отсюда, на противоположном берегу реки, находится Шато де Сомак – по-нашему это замок. Мне рассказывали, что он стоит на холме и виден за несколько миль и башни его вырисовываются на фоне неба...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.